
Июнь 1957 года

З аметка, с которой все началось, была даже не на первой странице, а на пятой, зажатая между рекламой Школы танцев Патришии Бриксы и отчетом о ежегодном собрании либералов Северного Крофтона. Речь в ней шла о недавнем исследовании партеногенеза у морских ежей, лягушек и кроликов, и автор делал вывод, что, вероятно, и у людей размножение может происходить подобным образом. Большинство читателей “Эха Северного Кента” пропустили бы эту неприметную статейку, если бы не мелодраматический заголовок: “Для продолжения рода мужчины больше не нужны!”.

В результате сумка почтальона непривычно раздулась от писем негодующих читателей, причем не только мужчин. В частности, миссис Берил Диплок из Сент-Пол-Крей заклеила высказанные в статье соображения как опасные и нехристианские. Многие читательницы подчеркивали, что такое предположение непременно даст и без того ненадежным

особям мужского пола предлог уклоняться от их прямых обязанностей.

Но одно письмо стояло особняком. Оно было от некой миссис Гретхен Тилбери с Бердетт-роуд, 7, Сидкап и содержало буквально следующее:

Уважаемый редактор!

Меня заинтересовала ваша заметка "Для продолжения рода мужчины больше не нужны!", опубликованная на прошлой неделе. Я всегда считала, что моя собственная дочь (сейчас ей десять лет) родилась без какого-либо участия мужчины. Если вы хотите узнать больше, можете написать мне по вышеуказанному адресу.

Очередное редакционное совещание — обычно унылое мероприятие, на котором распределяют задания на неделю, планируют следующий выпуск и разбирают ошибки и промахи предыдущего, — прошло необычайно оживленно.

Джин Суинни, редактор отдела, ведущая рубрик, а заодно исполнительница мелких поручений и единственная женщина за столом, взглянула на письмо, которое ее коллеги передавали из рук в руки. Наклонный почерк и странные континентальные петельки напомнили ей о ее школьной учительнице французского. Она так же перечеркивала семерку, а тринадцатилетняя Джин считала это верхом изысканности и даже пыталась копировать, но ее мать положила конец опасной вольности. Реши Джин писать кровью, она едва ли возмутилась бы сильнее: в глазах миссис Суинни все иностранцы были немцами и людьми без стыда и совести.

При мысли о матери Джин вспомнила, что по дороге домой надо забрать ее туфли из ремонта. Для нее оставалось загадкой, зачем человеку, так редко выходящему из дома, столько пар обуви. Еще требовалось купить сигареты, масло мяты перечной, а также почки и шпик, на случай, если ей будет не лень испечь на ужин пирог. Иначе опять “яичница на скорую руку”, вечный запасной вариант.

— Кто-нибудь желает поехать взять интервью у Богородицы Сидкапской? — спросил Ларри, редактор отдела новостей.

Дружно скрипнули стулья — желающих не нашлось.

— Не мое это, — сказал Билл, редактор отдела спорта и развлечений.

Джин медленно протянула руку к письму. Она знала, что рано или поздно оно попадет к ней.

— Отличная мысль, — сказал Ларри, пуская дым через стол. — В конце концов, это женская тема.

— Стоит ли поощрять чокнутых? — усомнился Билл.

— Может, она и не чокнутая, — мягко возразил редактор Рой Дрейк.

Джин улыбнулась, вспомнив, как она его боялась, когда молоденькой девушкой только пришла в газету, какой трепет ее охватывал, когда он вызывал ее к себе в кабинет. Но вскоре ей стало ясно: он вовсе не из тех, кому нравится держать в страхе подчиненных. Отец четырех дочерей, он и к остальным женщинам относился с теплотой. И потом, трудновато трепетать перед человеком, который носит такие мятые костюмы.

— Как же не чокнутая? — не унимался Билл. — Ты что, веришь в непорочное зачатие?

— Нет, но любопытно узнать, почему миссис Тил-
бери верит.

— Письмо она хорошее написала, — сказал Ларри. —
Немногословное.

— Это потому, что она иностранка, — заметила
Джин.

Все посмотрели на нее.

— Ни одна англичанка так буквы не пишет. И потом
это имя — “Гретхен”.

— Понятно, что тут нужна деликатность, — сказал
Рой. — Значит, интервью брать тебе, Джин.

Сидящие вокруг стола закивали. Никто не соби-
рался с ней конкурировать.

— В любом случае, первым делом поезжай знако-
миться. Ты наверняка сразу разберешься, шарлатанка
она или нет.

— Пять минут с ней наедине — и я скажу вам, дев-
ственница она или нет, — сказал Ларри, и все засмея-
лись.

Он откинулся на спинку стула — локти расстав-
лены, пальцы сцеплены за головой, под рубашкой от-
четливо проступили очертания майки.

— Она же не пишет, что так и осталась девственни-
цей, — высказался Билл. — Это было десять лет на-
зад. С тех пор могла и повидать кое-что.

— Не сомневаюсь, что Джин справится и без вашего
экспертного мнения, — сказал Рой, не одобрявший
таких разговоров.

Джин чувствовала, что без него беседа быстро
приняла бы грубоватый оборот. Забавно, что в при-
сутствии Роя все следили за языком, чтобы не оскор-
бить его пуританских чувств. При этом к Джин они
относились как к “своему парню”. И обычно это ей

льстило. Но иногда она замечала, что с женщинами помоложе и покрасивее они обращаются иначе — и эта неуклюжая смесь галантности и заигрывания по отношению к другим приводила ее в уныние.

Остаток рабочего дня Джин сочиняла колонку “Хозяйкины хитрости” и “Свадебные зарисовки” — обзор бракосочетаний прошлой недели.

.....

После приема в общинном центре Сент-Пол-Крей мистер и миссис Плорниш отправились в свадебное путешествие на Сент-Леонард, невеста в бирюзовом пальто и с черными аксессуарами...

.....

Колонка про домашнее хозяйство была легче легкого, потому что все советы поставляли преданные читатели. На первых порах Джин проверяла некоторые из них на практике до публикации. Теперь же ей нравилось отбирать самые несурзные.

Покончив с колонкой и обзором, она написала короткое письмо Гретхен Тилбери, спросила разрешения приехать поговорить с ней и ее дочерью. Поскольку номер телефона не указан, нужно было договариваться письменно. В пять Джин накрыла чехлом пишущую машинку, занесла письмо в отдел корреспонденции и вышла из редакции.

Ее велосипед, прочное сооружение с массивной рамой, доставшееся ей, как и почти все ее имущество, по наследству от многих поколений семейства Суинни, стоял у ограды. А прямо на пути к нему сплелись в тесном объятии машинистка и парень из типографии. Джин знала девушку в лицо, но не по имени;

журналисты нечасто имели дело с сотрудниками других отделов.

Чтобы пробраться к велосипеду, ей пришлось обходить эту парочку, и чувствовала она себя при этом очень глупо; в конце концов они заметили ее и, хихикая и извиняясь, подвинулись. В том, насколько они были поглощены друг другом, было что-то обидное, и Джин пришлось напомнить себе, что к ней это не имеет отношения — просто универсальный симптом любовного недуга. А те, кто им поражен, заслуживают не осуждения, а жалости.

Джин вытащила из кармана шелковый платок и туго завязала его под подбородком, чтобы волосы не лезли в лицо во время езды. Потом втиснула сумку в корзинку на руле, вывезла велосипед к бордюру и, отточенным движением расправив под собой юбку, вскинула себя в седло.

Дорога от здания газеты в Петтс-Вуде до дома в Хейсе занимала всего десять минут, и даже в это время машин почти не было. Солнце стояло высоко в небе; впереди еще несколько часов дневного света. После того как она побудет с матерью, может, останется еще время заняться садом: выползшая из-под соседского забора и угрожающая рядам фасоли сныть требовала неусыпной бдительности.

Копаться в грядках летним вечером — сама мысль об этом приносила бесконечное умиротворение. Лужайки — передняя и задняя — подождут до выходных. Это и без того тяжелая работа, а тут еще придется заодно стричь соседскую траву. Так бывает: сначала — порыв великодушия, а потом одолжение превращается в обязанность, которую одна сторона выполняет все менее охотно, а другая принимает все менее благодарно.

Джин затормозила возле цепочки магазинов, которая тянулась, изгибаясь вниз по холму от станции. Стейк и почки — слишком долго, но мысль о неизбежной яичнице на ужин подействовала на нее угнетающе, и она купила в мясной лавке телячьей печенки. Можно приготовить ее с молодой картошкой и зеленой фасолью с огорода. С остальными пунктами списка тянуть не стоило — в половине шестого все закроется, а она хорошо себе представляла и реакцию матери, если та останется без туфель и лекарств, и собственные мучения, если кончатся сигареты.

Когда она наконец добралась до дома — скромной одноквартирной постройки 30-х годов, повернутой задом к парку, — радостное настроение испарилось. Укладывая в клетчатую хозяйственную сумку печенку в вошеной бумаге, она умудрилась два раза капнуть кровью на свою серую шерстяную юбку — и ужасно на себя злилась. Юбка совсем недавно побывала в чистке, и Джин по собственному опыту знала, что пятна крови — самые стойкие.

— Джин, это ты? — Голос матери, тревожный, полный упрека, плыл вниз по лестнице в ответ на скрежет ее ключа в замке — как всегда.

— Да, мама, кто же еще, — ответила Джин, как отвечала всегда — чуть более или менее раздраженно, в зависимости от того, как прошел ее день.

Мать появилась на площадке и помахала голубым конвертом.

— Пришло письмо от Дорри, — сказала она. — Хочешь прочитать?

— Может, попозже, — ответила Джин, снимая платок и освобождаясь от разнообразных пакетов.

Ее младшая сестра Дорри была замужем за кофейным плантатором и жила в Кении; для Джин это было все равно, что на Венере — такой далекой и непредставимой казалась эта новая жизнь. У Дорри были и слуга, и кухарка, и садовник, и ночной сторож — для защиты от злоумышленников, и ружье под кроватью — для защиты от ночного сторожа. В детстве сестры были очень близки, и сначала Джин безумно по ней скучала, но по прошествии стольких лет свыклась с тем, что не видит ни ее, ни ее детей. А мать так и не смогла.

— Есть что-нибудь вкусненькое на ужин?

Завидев бумажный пакет с туфлями, мать, морщась, начала медленно спускаться по лестнице.

— Печенка, — сказала Джин.

— О, отлично. Умираю с голоду. Я весь день ничего не ела.

— Да почему же? В кладовке полно продуктов.

Почувствовав отпор, мать немного пошла на попятный.

— Я очень поздно проснулась. Вместо обеда съела овсянку.

— То есть что-то ты все-таки ела.

— Да разве это еда?

На это Джин отвечать не стала, а отнесла покупки в кухню и выгрузила их на стол. Комната выходила на запад, и заходящее солнце наполнило ее теплым ярким светом. Муха жужжала и билась об оконную раму, пока Джин не выпустила ее наружу, попутно заметив пятнышки на стекле. Еще одно дело на выходные. По четвергам с утра приходила уборщица, но, по мнению Джин, за отведенное ей время она очень мало что успевала, если не считать сплетен с матерью. Впрочем, это тоже в некотором роде работа, и Джин

заплатить за нее пять шиллингов было не жалко. Разве что чуть-чуть.

Пока мать примеряла вернувшиеся из починки туфли, Джин сняла юбку, встала у раковины в блузке и комбинации и внимательно изучила пятна засохшей крови. В занавешенном шкафчике отыскивала коробку с тряпками — бренными останками погубленных предметов одежды — и при помощи отрезанного рукава некогда любимой хлопчатобумажной ночной рубашки принялась смачивать растворителем.

— Что это ты делаешь? — спросила мать, заглядывая ей через плечо.

— Кровью испачкала, — ответила Джин, хмурясь, когда ржавое пятно стало растворяться и расплываться. — Не моей. Это от печени.

— Ну и неряха, — сказала мать и вытянула сухую лодыжку, чтобы полюбоваться туфлей — бежевой кожаной лодочкой на среднем каблуке.

— Вряд ли придется когда-нибудь их носить, — вздохнула она. — Но все же.

Пятно слегка поблекло, но увеличилось в размерах и по-прежнему было заметно на серой ткани.

— Вот черт, — сказала Джин. — Такая была подходящая юбка для велосипеда.

Она пошла вверх переодеться и взяла юбку с собой. Носить ее нельзя, но приговорить юбку к ящику с тряпками было выше ее сил. Пока что Джин сложила ее и убрала вниз платяного шкафа, как будто в один прекрасный день может обнаружиться какой-нибудь альтернативный способ использования непригодных к ношению юбок.

После ужина — печенки с луком, приготовленной Джин, и пудинга из консервированных груш

со сгущенным молоком — Джин занялась поливом и прополкой, а мать уселась в шезлонг с библиотечной книжкой, которую она не то чтобы читала, а скорее держала в руках. Джин давно заметила, что мать никогда, даже в хорошую погоду, не сидит на улице одна — только за компанию. Из парка были слышны веселые крики детей, с улицы то и дело раздавался собачий лай вслед случайному прохожему, изредка с урчанием проезжала машина. Вместе с сумерками наступит тишина.

Женщины перебрались в гостиную, задернули шторы и зажгли лампы; сквозь их коричневые абажуры пробивался скупой желтоватый свет. Они сыграли за карточным столиком два кона в кункен, а потом Джин стала бесцельно перебирать содержимое корзины с вещами для починки. В последние несколько недель она совершенно забросила эту корзину, разве что иногда пополняла. Мать тем временем достала свой кожаный несесер для письменных принадлежностей, чтобы написать ответ дочери. Готовясь к этой задаче, она зачитала письмо Дорри вслух — очевидно, специально для Джин, поскольку мать была уже прекрасно знакома с его содержанием. То же самое она проделывала с газетными и журнальными статьями, когда тишина воскресных вечеров начинала ее раздражать.

Дорогая мама!

Спасибо за письмо. Похоже, у вас в Хейсе тишь да гладь. Хотела бы я так же написать и о нас — ан нет, все время что-то происходит. Кеннет сейчас живет на ферме — наконец-то появился новый управляющий, но его надо “объездить”. Будем наде-

яться, что он продержится дольше предыдущего, которого мы теперь между нами называем не иначе как “Вернон Неверный”. (На этом месте миссис Суинни хихикнула.)

Я записалась в клуб Китале, и пока Кеннет в отъезде, это мой второй дом. Можешь себе представить, что за “фрукты” там порой попадают. В пятницу я сходила на “Настоящую комедию” в постановке Театрального общества Китале. Пру Калдервел — признанная королева здешнего общества — была чудо как хороша в роли Лиз Эссендайн. Остальные актеры — как деревянные. Уровень такой, что я подумала: может, и мне стоит пройти прослушивание для следующей постановки!

У нас теперь щенок эльзасской овчарки, черный, по кличке Ндофу. Мы все от него без ума. Предполагается, что я его выдрессирую и он будет меня охранять, когда я здесь одна, но он такой добродушный, любому, кто его погладит, сразу подставляет пузо. Через несколько недель дети приедут домой на каникулы, а пока я пользуюсь свободой, чтобы побольше заниматься теннисом. Беру уроки, а завтра у нас турнир смешанных пар. Со мной в паре дядька по имени Стэнли Харрис, ему под шестьдесят, но он так и не научился проигрывать и все время бросается на мою половину корта с воплем “Мой! Мой!”, так что мне ничего делать особенно и не придется.

Пора бежать на почту. Будь здорова. Очень люблю тебя и Джин.

Дорри

— Она написала превосходное письмо, — сказала мать Джин.